

*Посвящается памяти
душ, погибших во время трагических крушений
«Титаника» и «Британника»*

Падение на миг кажется чем-то совершенно иным — кратким, безумным проблеском свободы.

Но поверхность является слишком быстро, разбиваясь вдребезги о ее кожу пеленой стекла, вышибая из легких воздух. Или, может, это разбилась она сама. Она уже словно и не человек вовсе, не цельное существо, а летящие сквозь тьму фрагменты. Жжение в легких становится невыносимым; разум прекращает сопротивляться, уступая место боли.

Сквозь холод приходят странные мысли: здесь нет красоты.

Такая малость — и неожиданное утешение.

Однако тело жаждет своего: прощу, умоляет оно. Тело начинает бороться, взгляд устремляется к скудному звездному свету вверху, уже такому далекому. Кто-то однажды сказал ей, что звезды — это лишь булавки, которые удерживают черное небо, дабы оно не рухнуло на мир и не удушило его. Краткое спокойствие сменяется паникой. Ее захватывает страшное, неудержимое желание — не жизнь взывает к ней, требуя попытаться еще раз, но любовь. Мы все заслуживаем второй шанс. Мысль возникает как будто не внутри, но вокруг нее, пусть течения утягивают все глубже, пусть холодный туман окутывает разум.

Поверхность остается совсем далеко, непостижимая, недостижимая. Холод повсюду, он давит, умоляет его впустить.

АЛМА КАТСУ

Я дам тебе еще один шанс, будто бы шепчет вода. Я заставляю все уйти, толькопусти.

Обещание. Волны уже не тянут вниз, они обволакивают объятиями, ожидая ответа.

Она все-таки открывает рот. Вода врывается внутрь, становясь ответом.

1916

18 сентября 1916 г.
Ливерпуль, Лечебница Морнинггейт
К сведению главного врача

Любезный сэр,
пишу в надежде, что Вы поспособствуете в крайне деликатном вопросе.

Четыре года назад моя дражайшая дочь Энни неожиданно исчезла из нашего дома в деревушке Баллинтой. С тех самых пор мы с женой без устали ее разыскиваем. Мы наводим справки в больницах и оздоровительных учреждениях, ведь в последний раз видели нашу дочь не в себе от пережитого — и, быть может, в то время недооценили глубину ее скорби. Начали с заведений поблизости, в Белфасте, и Лисберне, и Бангоре, однако, когда обнаружить ее не удалось, мы постепенно расширили круг и в конце концов пересекли Ирландское море и добрались до Ливерпуля.

Мы написали в пятьдесят пять больниц. Когда удача нам так и не улыбнулась, появилась мысль включить в поиски и заведения Вашего профиля. С самого детства наша Энни крайне подвержена чувствам, присущим всем представительницам ее пола. Сии чувства, однако, способны быть как благословением, так и проклятием: женщина без оных качеств станет воистину холодным и бессердечным существом, но нет ничего хорошего и в том, когда любовь обуреует безо всякой меры. Как отец, я временами невольно жалею о том, что не нашел способа усмирить сие качество моей дражайшей Энни.

И посему пишу Вам, любезный сэр, вопрошая, нет ли среди пациенток Вашего учреждения женщины, подходящей под описание моей Энни. Ей стукнуло уже двадцать два, в ней

АЛМА КАТСУ

пять футов шесть дюймов роста. Застенчивая, тихая девушка, способная прожить неделю, не промолвив и словечка.

Молюсь, чтобы Вы сумели покончить с кошмаром, во власти которого мы пребываем, и вернуть нам нашу Энни. Да, в двух словах: она сбежала из дома, где мы ее холили, но подозреваем, что дело исключительно в ее страхе перед осуждением. Прошу, сэр, знайте, мы занимаемся этим вопросом, не привлекая закон, дабы уберечь частную жизнь и достоинство Энни. Молю Вас о молчании. Полагаю, при Вашей работе вам доводится встречать изрядное количество женщин в сходной ситуации.

Энни — наша единственная дочь, и несмотря на ее наклонности, ее слабости, несмотря на что угодно, что она могла сотворить, мы горячо ее любим. Передайте ей, что братья еженощно молятся о ее возвращении, что комната остается нетронута с тех пор, как Энни ее оставила, в надежде, что мы вновь примем ее в объятия любящей семьи.

С уважением,
Джонатан Хеббли
Община Баллинтуй, графство Антрим,
Северная Ирландия

25 сентября 1916 г.

Уважаемый господин Хеббли,

я получил Ваше трогательное письмо касательно Вашей дочери Энни в прошлую пятницу. Не могу не сочувствовать Вашей беде, однако с сожалением должен сказать, что помочь не способен.

Закон о невменяемости 1890-го привел к множеству изменений в ограничениях правового характера, действующих для учреждений, подобных Морнингейту. Закон вынуждает ввести невиданные доселе меры, призванные, по моему мнению, скорее защитить заведение от ложных судебных претензий,

ГЛУБИНА

нежели послужить на благо больных. Здесь, в Морнингейте, эти меры распространяются и на защиту частной жизни наших пациентов. Посему, при всем уважении, вынужден Вам отказать. Речь, видите ли, идет о сохранности личного пространства больных, которые зачастую немало страдают от предрассудков общества в отношении тех, кто подвержен расстройству нервов и разума.

Прошу, не сочтите сей ответ ни подтверждением, ни опровержением присутствия Вашей дочери в Морнингейте. Будучи управляющим сего учреждения, я обязан подчиняться закону.

Ваш покорный слуга,
Найджел Давенпорт
Главный врач, лечебница Морнингейт
Байшор-Мьюз, Ливерпуль, Англия

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Октябрь 1916 г.
Ливерпуль
Лечебница Морнинггейт

Она не безумна.

Энни Хеббл втыкает иголку в грубую ткань серого цвета, нежного, подобно оперению голубей, что застревают в местных дымоходах, бьются там и кричат, и временами расшибаются насмерть в тщетной попытке высвободиться.

Она не безумна.

Взгляд Энни следует за иголкой, снующей то внутрь, то наружу вдоль края ткани. Внутрь и наружу. Внутрь и наружу. Острая, блестящая, идеальная.

Но в ней есть нечто, привлекающее безумие.

Энни начала понимать беспорядочные поступки сумасшедших — приступы рыданий, бессвязное бормотание, неистовые размахивания руками и ногами. За долгие дни, недели, годы в них появляется некий умиротворяющий ритм. Но нет, она не одна из них. Это ей предельно ясно.

Ясно как Господь и Дева Мария, как сказал бы папа.

Над шитьем трудится еще дюжина пациенток, отчего в комнате тепло, даже душно, несмотря на скудный огонек в камине. Труд якобы временно облегчает нервные расстройства, и посему столь многие обитатели получают работу, в особенности те, кто здесь скорее по причине собственной нищеты, нежели из-за некоего недуга как разума, так и тела.

ГЛУБИНА

Большинство нуждающихся держат в рабочих домах, однако Энни обнаружила, что довольно многие умудряются пробраться в лечебницы, как только освобождается койка. Не говоря уже о падших женщинах.

Какие бы причины ни привели их в Морнингейт, большинство женщин здесь довольно кротки и покоряются воле медсестер. Однако есть некоторые, кого Энни по-настоящему боится.

Она съезживается во время работы, не желая даже мимолично их касаться, не в силах избавиться от подозрения, что безумие способно передаваться от человека к человеку, как обычная зараза. Что оно зреет, словно споры плесени в забытой на солнце бутылке молока. Сначала незаметно, но вскоре прокисает и портится все молоко.

Энни сидит на жестком стульчике в швейной, держа на коленях свою работу на утро, но письмо, спрятанное в кармане, то и дело против воли всплывает в мыслях, словно тлеющий уголек, жжет сквозь льняное платье. Энни узнала почерк еще до того, как увидела имя на конверте. Она перечитала письмо с дюжину раз, не меньше. Под покровом ночи, когда никто не видит, она целует его, будто распятие.

Словно притянутая греховностью ее мыслей, у плеча возникает сестра милосердия. Энни задается вопросом, сколько же она уже стоит там и смотрит на нее. Эта сестричка новая. Она еще не знает Энни — вернее, знает, но плохо. Энни всегда оставляют на новеньких, которые пока не научились ее бояться.

— Энн, милая, тебя хотел бы увидеть доктор Давенпорт. Я отведу тебя в его кабинет.

Энни поднимается со стула. Ни одна из женщин не отрывает взгляда от шитья. Сестры никогда не поворачиваются к пациентам Морнингейта спиной, так что Энни волочит ноги по коридору, и присутствие сопровождающей подталкивает ее, будто раскаленная кочерга. Если бы Энни удалось улучить миг, она бы тут же избавилась от письма. Бросила бы